

Элла Леус

Зачем вы пишете смешно, дорогой Георгий Андреевич?

О книге, которую читали бы в трамвае

Георгий Голубенко
Одесский Декамерон
Харьков, Фолио, 2017

Из всех животных только человек умеет смеяться, хотя как раз у него для этого меньше всего поводов.

Э. Хемингуэй

Если на свете в самом деле существует пресловутое противоборство добра со злом, то в Одессе они заключили перемирие. Наверное, по этой причине у людей здесь случаются пароксизмы бесосновательного счастья (психиатров прошу покурить в сторонке) вне зависимости от благосклонности рыжей бестии Фортуны в данный момент. К тому же, размеренное существование в сквознях приморского города обильно питает неврозы и литературу. Что из чего и каким образом произрастает, совершенно неизвестно. Но будем считать это скучным, а поэзию и прозу – представляющими априорный интерес. Договорились? Вот и славно.

Когда я хочу сделать памятный подарок гостю Одессы, чаще всего отдаю предпочтение книге рассказов Георгия Голубенко

«Рыжий город». Когда-то Георгий Андреевич подписал для меня одну такую книжку, которая определена на почетное хранение не только в моей библиотеке, но и в моем сердце. Теперь передо мной другая его книга – «Одесский Декамерон», гораздо более увесистая. Оформленная с большим вкусом графикой Михаила Ревы, включающая не только рассказы, но и пьесу «Одесский подкидыш», а также другие ценные материалы. Шикарное издание, что и говорить. Впрочем, автор, несомненно, заслуживает. Правда, такой том в трамвае не считаешь. Почему именно в трамвае? Потому что в поезде или в приемной у стоматолога читают от скуки или страха. А в трамвае – душном, тесном, потном, – шатаюсь и балансирую, исключительно из неудержимого любопытства, что там дальше, на следующих страницах. Однако будем надеяться, что издательство в скором времени сподобится на электронную книгу специально для любителей запойного чтения гаджетов в муниципальном электротранспорте, остающихся равнодушными к трамвайным перепалкам и хронически проезжающих свои остановки.

Истории Рыжего города всегда активизируют мое вдохновение – читательское, писательское, в конечном итоге жизненное. Читаем в заключительных строках рассказа «Сердце маклера»: «...не ропщите на свою жизнь. От добра добра не ищут. И вообще, запомните раз и навсегда: самые большие в жизни неприятности у человека начинаются именно тогда, когда ему удастся осуществить свои самые страстные желания...» (Г. Голубенко).

Или еще такое: «...этих взрослых, оказывается, вообще слушать нельзя, а значит, в предстоящей жизни, такой непонятной и удивительной, придется рассчитывать исключительно на себя...» (Г. Голубенко, рассказ «Аркадийская идиллия»).

Вообще, в финале большинства рассказов автор приводит некую мораль, становясь баснописцем. Рассказы и впрямь напоминают басни с необходимыми иносказаниями, метафорами и символической, столь любимой и используемой в одесском фольклоре, да и просто в колоритном местном аргю.

«А единственное, чего можно желать для себя в этой жизни, так это собственно жизни. Причем как можно более долгой. И нужно для этого очень немного: каждое утро – такой вот рассвет,

каждую ночь – такая вот девушка...» (Г. Голубенко, рассказ «Одна зеленая луковица и одно красное яблоко»).

«И началась какая-никакая весна. Зазеленела акация, и на Греческую площадь, как после зимней спячки, вышли из своих дворов действительно самые красивые в мире одесские девушки. И глядя на них, уже всем стало ясно, что жизнь все-таки продолжается. И что этот город таки да будет жить вечно, потому что никогда не перестанут рождаться в нем подлинные поэты...» (Г. Голубенко, рассказ «Рыжий русский голубой»).

И все же! Что станет с Одессой, Рыжим городом, где добро со злом сложили оружие, если совсем не станет тех, кто глубоко ее чувствует? Таких, как Гарик Голубенко. Неужели она исчезнет, растает в морской дымке? Останутся лишь силуэты обветшалых известняковых зданий – фантомы славных эпох? Могу поклясться, что нет. Ведь есть то, что избавлено от тлена, – слова, истории, герои, хохот и грусть лицедейства, память и книги. Как говорится, имеем что почитать.

Но вернемся к анализу текстов и ассоциациям, ими вызываемым. Эдгар По считал главным смыслом литературного произведения создание эмоциональной реакции. А может ли быть что-либо эмоциональнее смеха? В том-то и право, и правота такой литературы, право и правота Ильфа и Петрова, Зощенко, Жванецкого, Голубенко... Потому-то у Голубенко туше в каждой фразе! Судите сами:

«– Ах, вот оно что! – говорит тогда папа из менее культурной семьи и очень близко подходит к папе из более культурной. – Так я и думал! Я, знаете ли, как только посмотрел на ваш благообразный профиль, так сразу и понял, что вы крупный мафиози! У приличных людей в наше время таких честных лиц не бывает. Слишком часто приходится воровать...» (Г. Голубенко, рассказ «Аркадийская идиллия»).

«В этой стране вообще глупо обедать один раз в день. Ты посмотри, сколько вокруг всего наготовлено...» (Г. Голубенко, рассказ «Биндюжник и профессор»).

«И что это за мода такая пошла – чуть дом загорится, сразу пожарников вызывать?» (Г. Голубенко, рассказ «Пожар на Слободке»).

«Мы живем в плену предрассудков. Вот говорят: литр спирта – смертельная доза для человека. А кто проверял? Никто. Иностранцы – потому что боятся. Наши – потому что денег не хватает... Так что смертельная она или нет – еще неизвестно. Может, даже наоборот» (Г. Голубенко, рассказ «Пьяный переулоч»).
«Коты – замечательные пловцы. Просто они стесняются это показывать, поскольку не хотят, чтобы все видели, что они плавают по-собачьи» (Г. Голубенко, рассказ «Рыжий русский голубой»).

«...мы волной накатились на закрытую дверь и разбились об нее, как прибой, поседевший от ужаса» (Г. Голубенко, рассказ «Сапоги всмятку»).

Проза и драматургия Георгия Андреевича Голубенко чрезвычайно правдива, невзирая на вымысел. Настоящая проза, как добротная честная драка, вообще не переносит пафоса и позерства.

Среди элементов феноменологии литературы Голубенко – незримое и тонкое присутствие персоны Автора, беспристрастного и подтрунивающего, ироничного и влюбленного в своих прямодушных героев и обаятельных трикстеров. Перцепция его многогранна и сложна. Голубенко, разумеется, в первую очередь отталкивается по-кинговски от ситуации, казуса, коими изобилует Рыжий город. Но, с другой стороны, эйдетика и архетипия текстов также сильны и выпуклы, не менее чем в «Одесских расказах» Бабеля или у Шолом-Алейхема.

И рассказы, и пьеса в этой книге абсолютно прегнантны* и, к тому же, сделаны с чувством меры, с избеганием излишних амплификаций**, не перегружены и воздушны по своей природе. Это работает камертоном для настройки на восприятие бытия – несовершенства недопустимы. Несовершенства мира – не повод для несовершенства литературы. Похоже, такой подход доведения до совершенства жанра городской новеллы заимствован вольно или невольно у Боккаччо, в его итальянском «Декамероне». К этому можно добавить, что наш автор – одаренный музыкант,

---

* Прегнантность (от лат. praegnans – полный) – содержательная лаконичность, проникновенность и острота выражений. Прегнантный текст – лаконичный, но содержательный, полный смысла.

** Амплификация – стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов.

и каждым словом нанизывает единственно верную и точную просодию, служащую единственно верной и точной цели.

Персонажи Георгия Голубенко – граждане чувствительные, деятельные, жизнерадостные. Они – практикующие философы и меркантильные романтики, мечтательные обыватели и сибаритствующие труженики. Короче, невозможные южные темпераменты, проникнутые здоровым веселым фатализмом на фоне отменного аппетита и чересчур уживчивого характера. Некоторые в меру хитры и задиристы, ставят превыше всего собственный прагматичный интерес, как Рома Каплун, всучивший под опеку богатой наивной американке дворового кота, а заодно и свое жаждущее благоденствия семейство. И похожий на биндюжника (не только фигурой, но и твердолобостью) профессор консерватории Беня Беркович. И товарищ Репа, чекист и непревзойденный знаток «одесских околосоногогальных кругов». И маклер Лева Рыжак, готовый на все ради квартиры вдовы Гудиновкер, как на грех, оказавшейся чрезвычайно живучей. Уже не говоря о полусумасшедшем портном Перельмутере, конкуренте Кардена, а заодно и Канта в части базисной семантики. А почему бы и нет? Это же Одесса, Эммануил! Ну и никак нельзя не упомянуть сэра Пинхуса из пьесы «Одесский подкидыш», подвешенного и самонадеянного, а также вздорного и экзальтированного художника, не чуждого простых человеческих желаний, нарциссических травм и любви.

Что и говорить, под обложкой «Одесского Декамерона» обитает целое разношерстное племя жизнелюбов и людovedов, поселившихся в нашем воображении или во дворике по соседству.

Разумеется, вам уже захотелось прочитать эту удивительную, насмешливую и мудрую книгу. Я понимаю, что, соблазняя читателя волшебными текстами Георгия Голубенко, создаю некоторую проблему. Подозреваю, что достать книгу «Одесский Декамерон» за пределами Одессы так же трудно, как найти психически нормального в рассказе «Репа и Баренбрикер». Однако, как говорится, «в данном случае государство не на тех напало!» Хочется верить, что алчущий задействует все свое влияние, связи и даже блат, чтобы посмеяться и кайфнуть, прочитав тексты великолепного мастера – Георгия Андреевича.

«Тем временем наступает вечер, и солнце, отправляясь на покой куда-то в спальный район Таирова, уже с трудом пробивается сквозь резные виноградные листья, нависающие над фонтанским столом, но нет конца молодому вину и нет конца таким невероятным историям – вечному одесскому Декамерону, а потому перестаньте сказать, что настоящей Одессы уже не существует. Да она за свои двести с хвостиком лет умирала неоднократно! Но весь ее фокус, дорогие мои, именно в том и состоит, что возрождается она всегда как минимум на один раз чаще, чем умирает» (Г. Голубенко, рассказ «Одесский Декамерон»).

